

И.В. ЛЕВИЦКАЯ,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

ЦЕННОСТНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ ДЕВИАНТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассмотрен феномен социальной девиации, а также представлены результаты международного сравнительного исследования «Европейские ценности» (1999, 2000 и 2008 гг.), характеризующие общественное мнение жителей Беларуси относительно динамики уровня ценностного сдерживания девиантизации современного белорусского общества.

The phenomenon of social deviation is considered; the results of the «European values» international comparative research (carried out in 1999, 2000 and 2008) which characterize the public opinion of the citizens of Belarus about the dynamics of the value restraining level of deviating a modern Belarusian society are presented.

Современное общество весьма динамично и противоречиво. Быстрая и частая, нередко коренная смена условий жизнедеятельности приводит к исчезновению формальных границ между дозволенным и запретным, к формированию новой ценностно-нормативной основы социума. Такая ситуация, с одной стороны, активизирует появление совершенно новых форм, которым еще не дано однозначной социальной оценки, с другой – способствует формированию лояльного отношения к формам поведения и социальным явлениям, считавшимся когда-то запретными. В свою очередь, это приводит к дезориентации в социальном пространстве и может повлечь за собой «утрату биографии» (Л.Г. Ионин), «утрату чувства идентичности» (Э.Г. Эрикссон), дисгармонию между потребностями и возможностью их удовлетворения и, как следствие, к росту числа социальных девиаций.

В социологическом подходе базисной в понимании и объяснении причинного комплекса девиаций выступает нормативная концепция Э. Дюркгейма, согласно которой стандарты поведения задают ценности и нормы, поддерживаемые коллективным сознанием. Введенная Дюркгеймом в научный оборот категория аномии дает ключ к объяснению процессов, происходящих в переходные и кризисные периоды развития общества, характеризующиеся в первую очередь кризисом ценностей. Р. Мертон, рассматривая аномию как особое состояние индивидуального и общественного сознания, выводил ее причины из структурно-функциональных противоречий социальной системы, дисфункции социальных институтов.

Концепция аномии, обладая огромным эвристическим потенциалом, дала мощный толчок исследованиям в этом направлении. В настоящее время явление аномии изучается в основном с точки зрения, во-первых, обеспеченности социального действия целями (теории социальной дезинтеграции, социального сдерживания, социального контроля) и, во-вторых, возможности реализации целей, которые могут быть четко определены (теория напряжения).

В теории социальной дезорганизации (дезинтеграции) девиация рассматривается как результат свободы выбора определенной модели поведения без устойчивой идентичности индивидов. Эти явления приобретают

особую актуальность в условиях нестабильного состояния общества, например, социальная дезинтеграция может наблюдаться в связи с урбанизацией, массовыми миграциями. В результате смешения норм и ценностей разных культур и социальных групп происходит ослабление социальных связей и социального контроля, нарушается система социальных ожиданий (ожиданий), возникают межличностные и межгрупповые конфликты. В совокупности с некоторыми структурными характеристиками (например, бедностью, подвижностью и неоднородностью) культурный конфликт провоцирует рост девиаций.

В теориях социального контроля и социального сдерживания внимание фокусируется на специфических институтах и группах (семья, школа, церковь, правовая система), ограничивающих девиантное поведение посредством социальной регуляции (Э. Дюркгейм, Р. Парк), и внутренних сдерживающих факторах, проявляющихся у индивида в форме интернализированных норм, благодаря которым осуществляется социальная интеграция (Э. Дюркгейм, Т. Хирши). Сдерживающий фактор, по определению американского социолога М. Крона, – это «барьер, который находится между действующим лицом и очевидной мгновенной выгодой, которую сулит преступление»¹. К элементам внутреннего сдерживания относятся: привязанность (эмоциональные или чувственные связи с другими людьми), приверженность (рациональный выбор линии поведения, способствующей достижению определенных целей), вовлеченность (количество времени, затраченное на общепринятую деятельность) и убежденность (степень одобрения общепринятого или осуждения девиантного поведения, прочность выбранной позиции). Перечисленные элементы взаимосвязаны и могут действовать в различных социальных сферах.

В теории напряжения (Р. Мертон, А. Козн, Л.Э. Оулин, Д. Эллиот, Р. Агню) выделяют несколько причин формирования напряжения: невозможность достичь определенных целей, утрата позитивно оцениваемых или предоставление негативно оцениваемых стимулов. Формирующееся напряжение приводит к негативному отношению с окружающими и, как следствие, вовлечению в девиантное поведение. В качестве главной причины девиаций теория напряжения рассматривает дисгармонию между ясными и принимаемыми культурными целями и легитимными средствами их достижения. Если культура выдвигает цели (материальное благосостояние, социальный статус и др.), а социальная структура создает существенные ограничения для достижения этих целей, в сознании индивидов возникает напряжение (фрустрация), вызванное несоответствием между стремлениями и ожиданиями. Хотя большинство людей мирятся с доступными им целями и средствами (в соответствии с типологией Мертона – конформистский способ приспособления), некоторые адаптируются, отвергая цели, общепринятые средства или то и другое вместе (способы приспособления – инновация, ритуализм, ретритизм, мятеж), что позволяет уменьшить или снять фрустрацию, адаптироваться к напряжению. Такие типы адаптации находят воплощение в различных формах девиантного поведения.

Феномен поведенческих и социальных девиаций сложен для интерпретации в силу неопределенности как общего понимания, так и его критериев. Нечеткость, полисемантическая базовых понятий затрудняет возможность выработки критериев оценки тех или иных социальных форм, выявления и фиксации разных форм девиаций, определения степени социальной терпимости по отношению к ним.

В современных условиях не утрачивает актуальности тезис Н. Смелзера о том, что, «поскольку критерии определения девиантного поведения неоднозначны и часто вызывают разногласия, трудно точно установить, какие типы поведения следует считать девиантными»². В современной науке общепризнанным является лишь то, что понятие «девиация» (отклонение)

имеет смысл только в связи с понятием «норма». Так, например, Н.А. Барановский девиантное поведение определяет как понятие, которое «охватывает все формы нарушений моральных, правовых и других социальных норм...»³, Я.И. Гилинский – как «поведение, нарушающее социальные нормы...»⁴, Смелзер – как «отклонение от групповой нормы...»⁵. Таким образом, именно социальная норма является ключевым понятием в определении девиантного поведения.

Сложность, однако, заключается в том, что, являясь ключевым в определении сущности девиантного поведения, понятие «социальная норма» само не имеет однозначного семантического объяснения. Еще Дюркгейм в работе «Норма и патология» выделил следующие значения понятия:

– норма есть нечто наиболее распространенное, типичное для данного общества;

– норма – это характеристика социального факта, способствующего оптимальному функционированию общества;

– норма – это предписание поступать определенным образом.

Обозначив важнейшие признаки социальной нормы, он затронул гносеологический аспект проблемы формирования и функционирования нормативной структуры социального пространства, признав тем самым необходимость совмещения различных подходов к его анализу, с одной стороны, социальные нормы возникают как адекватное отражение социальных отношений и выражают потребности общества, с другой – эффективность нормы определяется признанием необходимости ее существования большинством членов общества. В то же время общественное сознание, выражая ценностные приоритеты определенной общности, часто бывает нестабильным и противоречивым, ведь социальной ценностью может быть наделен любой объект (реальный или воображаемый), если он рассматривается группой как важное условие существования.

Таким образом, содержательно социальная норма включает как объективные, так и субъективные компоненты. Объективная компонента социальной нормы выражается в наличии четкого предписания поступать определенным образом, что дает индивидам возможность предвидеть действия других участников общественных отношений и соответственным образом строить свое поведение. Субъективная компонента выражается в том, что отражение действительности может быть не только адекватным, но также непреднамеренно или сознательно искаженным.

Форма воплощения социальной нормы как вторичного социального образования может варьироваться от модели взаимодействий на уровне социальной системы до конкретного предписания поступать определенным образом в заданной ситуации. На уровне индивидуального поведения норма дает возможность соотносить свое поведение с ожиданиями других людей, на уровне социума – упорядочивает и систематизирует общественную жизнь.

Динамический аспект функционирования социальной нормы характеризуется тем, что стабильность как одно из важнейших условий ее эффективности определяет свойство нормы задавать критерий отнесения того или иного явления к разряду полезных, желательных. Однако сама нормативная система общества изменяется под воздействием внешних и внутренних процессов. Многие нормы перестают выполнять свои функции, сами своим существованием создавая противоречия. И в этом случае только отклонение от нормы, выработка новых стандартов дает возможность разрешить эти противоречия. Такая ситуация способствует тому, что постепенно новый образец поведения становится нормой, а образец, бывший когда-то нормой, – отклонением. Таким образом, способность нормы трансформироваться в свою противоположность (девиацию) является одним из механизмов самоорганизации и развития общества.

Обозначенная противоречивость социальной нормы, а также сформулированный ранее тезис о том, что «девиация» имеет смысл только в связи с понятием «норма», определяют необходимость разработки концептов «социальная норма» и «девиация» в их соотношении друг с другом.

Определяя социально-нормативное поведение как наиболее распространенное, соответствующее так называемой средней линии, которой придерживается большинство членов общества, в ранг основного признака социальной нормы мы возводим типичность определенных форм поведения. Логика исследования при таком понимании нормы предполагает необходимость количественного измерения свойств исследуемого объекта и установление соответствующих средних показателей. Рассматривая норму как нечто наиболее приспособленное, отвечающее условиям окружающей среды, нельзя в то же время не отметить, что нередко сами патологические процессы и болезни – это всего лишь особенности, побочные эффекты адаптационных процессов. Приспособление, адаптация могут реализоваться в деструктивной по своей сущности форме. Как писал Э. Фромм в работе «Человек для себя», «человек может адаптироваться к рабству, к культуре, проникнутой всеобщим недоверием и враждебностью, к культурным условиям, требующим подавления сексуальных влечений... Человек может адаптироваться почти к любой культурной системе... но он не может изменить свою природу»⁶. Обозначенные особенности статистически-адаптационного подхода к определению социальной нормы формируют контуры понятия девиантного поведения и позволяют определить его как поведение, не соответствующее ожиданиям (экспектациям). Для определения поведения в качестве девиантного необходимо, во-первых, наличие некой верифицируемой ситуации, которая может быть выделена и масштабы которой могут быть измерены, во-вторых, осознание данного условия как угрожающего неким ценностям.

С подходом описательных критериев социальной нормы, который базируется на представлении об общественной опасности или безопасности поведения человека, соотносится понимание девиации как нарушения, ущемления прав и свобод других людей. В соответствии с данным подходом к девиантному относят любое поведение, которое явно или потенциально является опасным для общества. Упор делается на социально одобряемых стандартах поведения, бесконфликтности, конформизме, подчинении личных интересов общественным. При анализе отклоняющегося поведения с таких позиций внимание акцентируется на внешних формах адаптации, а индивидуально-личностная гармоничность игнорируется.

Определение действия как девиантного предполагает наличие в обществе некоторого нормативного консенсуса – фундаментального согласия по базисным ценностям. Однако современное общество не обладает культурным единством и ценностным консенсусом, для него характерен широкий плюрализм ценностей и норм.

Данные исследования «Европейские ценности» (2008 г., N = 1500 человек) свидетельствуют о том, что более 70 % жителей Беларуси не разделяют мир на «белое и черное», а признают существование оттенков и полутонов, придающих своеобразие любому поступку человека (табл. 1).

В такой ситуации различие между нормой и девиацией становится неопределенным, все более локальным, групповым, а социальная реакция на девиацию носит не всеобщий, а социально ограниченный характер. В этой связи важно выяснить, кто в обществе определяет девиацию, «наклеивает ярлык» девиантности. Одним из первых в такой перспективе проблему социальных девиаций рассмотрел Г. Беккер⁷. Эта идея нашла впоследствии множество сторонников. Как отмечает З. Бауман, «проблема состоит в том, что навешивание ярлыка... зависит не столько от самой природы действий,

сколько от симпатий и антипатий тех, кто печатает такие ярлыки», и если бы не эти ярлыки, то преступника иной раз можно было бы спутать с жертвой⁸.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Здесь представлены утверждения, которые люди иногда высказывают, обсуждая проблему Добра и Зла. Какое из них наиболее близко к вашей точке зрения?»

Суждения-альтернативы	Количество ответов, %
Существует четкая граница между тем, что есть Добро и Зло. Это относится к каждому человеку и любым обстоятельствам	22,9
Существует четкая граница между тем, что есть Добро и Зло. Однако отклонение от этих критериев иногда оправдывается особыми обстоятельствами	31,5
Никогда не может быть абсолютно четкой границы между тем, что есть Добро и что есть Зло. Это полностью зависит от конкретных обстоятельств	39,5
<i>Нет ответа, не знаю</i>	6,1

Девияция в таком случае есть социальная конструкция, представляющая собой описание нарушений, определяемых в некоей системе как опасные. Эта конструкция имеет смысл лишь в контексте определенных социально-исторических условий. Любая норма относительна и открыта для придания ей различных смыслов. Так, например, запрет убийства не носит абсолютного характера и может быть санкционирован обществом (например, убийство в ходе военных действий или приведение в исполнение смертного приговора). Граница между зонами социально-нормативного и социально-девиантного поведения (полного и ограниченного поведения) определяется не столько содержанием действия, сколько объектом, на который оно направлено: убийство «своего» – это «преступление», а это же действие, совершенное по отношению к врагу, – «героизм». Преступника от героя отличает не само действие, а местонахождение в гражданском пространстве.

Девиянтным становится такое поведение, которое в обществе находят оскорбительным (обидным, неприятным) и которое вызывает или может вызывать неодобрение, наказание или враждебность по отношению к субъектам такого поведения. Девиянтное поведение – это зона ограниченного поведения. Ее граница конструируется через определение девииции, т. е. такого нарушения норм, которое является основанием для перевода субъекта действия из зоны полного в зону ограниченного поведения, где отсутствует целый комплекс стандартных прав и присутствует большой набор дополнительных обязательств.

Несмотря на то что каждый из подходов к пониманию сущности нормы имеет свои особенности, сравнительный анализ позволяет синтезировать их и предложить следующую дефиницию понятия «социальная норма». Социальная норма – это адекватная условиям социокультурной среды, широко распространенная, общественно одобряемая или допустимая мера оценки взглядов, суждений и форм поведения, в соответствии с которой задаются границы допустимого в поведении личности, социальной группы или организации в конкретных социально-исторических условиях.

В данном определении отражаются основные принципы и присутствуют компоненты выделенных ранее подходов. Адаптационный компонент отражает объективность возникновения и функционирования социальной нормы. Статистический – ее принятие в качестве образца поведения большинством членов социальной группы. Компоненты подходов «принятия позитивных и негативных критериев» – ее подкрепление институционализированными требованиями, предписаниями, пожеланиями и ожиданиями соответствующего поведения.

Социальная норма в таком контексте воплощает в себе модель взаимодействия, которая дает возможность индивидам предвидеть действия других участников общественных отношений и соответственным образом строить свое поведение, тем самым максимально реализовать свой внутренний потенциал.

Понятие «социальная норма» тесно связано с представлением о феномене «ценность». Ценность как свойство предмета или явления присуща ему не от природы, не в силу его внутренней структуры, а потому, что предмет является носителем определенных социальных отношений. Социальной ценностью может обладать любой объект – реальный или воображаемый, если он рассматривается группой или отдельными лицами как важное условие существования. Социальная ценность – понятие, означающее социокультурную значимость определенных явлений общественной жизни. Она наделяется особым значением в индивидуальном и общественном сознании. В сущности ценности можно выделить два момента: связь с индивидом как оценивающим субъектом и санкционирование ценности обществом или группой (при выполнении этого условия ценность трансформируется в норму). Социальное конструирование нормы есть результат социального взаимодействия, а функционирование той или иной социальной нормы всегда выражает ценностные приоритеты определенной общности.

Процесс трансформации социальных ценностей в личностные осуществляется через практическую включенность субъекта в социальные отношения, в специфическую микросреду – социальную группу. С одной стороны, она является опосредующим звеном включения субъекта в коллективную деятельность, в процесс усвоения и реализации ценностей конкретного общества, т. е. обеспечивает функции регуляции социального поведения личности в соответствии с ценностями и целями развития общества и функционирования социальных групп, с другой – представляет субъектам возможности социальной адаптации.

Ценности ориентируют социальные субъекты в пространстве. Однако прежде чем приобрести все признаки, качества и свойства ценности, любой материальный или идеальный объект должен быть подвергнут оценке в индивидуальном или общественном сознании с точки зрения его полезности или опасности. Оценка означает выбор – принять или отвергнуть данный предмет в качестве ценности. Когда выбор сделан, на его основе осуществляется соответствующая деятельность.

В данном контексте следует рассмотреть, как соотносятся понятия «поведение» и «деятельность» в качестве системы действий. Понятию «социальная деятельность» придается смысл социально опосредствованного проявления активности, задающей социальную направленность и определенность поведению. Поведение есть форма деятельности, ее внешняя сторона. Взаимодействие индивида с окружающим миром (т. е. деятельность) может быть реализовано различными способами и воплощено в различных формах. Мертон в работе «Социальная структура и аномия» выделяет пять типов приспособления (адаптационной деятельности) людей к социально и культурно заданным целям и средствам: конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм, мятеж. Критерием здесь выступает степень согласованности между культурно предписанными стремлениями (целями) и институционализированными средствами их реализации.

Одной и той же деятельности могут соответствовать разные формы поведения. Например, ретритизм может воплотиться как в наркомании, так и в трудовоголизме. Одна и та же форма поведения, в свою очередь, может рассматриваться как проявление деятельности разного содержания: трудовоголизм можно рассматривать и как стремление к уходу от реальности путем фиксации внимания на строго определенном виде деятельности, и как про-

явление инновационного типа адаптации, а наркопотребление может стать воплощением любого из выделенных типов взаимодействия индивида и реальности.

Таким образом, ценность имеет двойственный характер: с одной стороны, объективный (она организует и направляет деятельность), с другой – субъективный (содержит в себе смыслы и значения, являющиеся порождением сознания).

Оценки одного и того же явления могут быть различными, поскольку отражают ценностные приоритеты разных социальных субъектов. И если какой-то образец взаимодействия рассматривается социальной общностью как нежелательный или потенциально опасный, то соответствующее поведение будет расцениваться как девиантное, а движущая сила данного действия – рассматриваться как антиценность.

Принимая во внимание сказанное, попытаемся выявить принципиальные различия существующих трактовок понятия «девиантное поведение» и разграничить подходы к семантическому объяснению данной категории:

а) интерпретация девиантного поведения как поведения, не соответствующего ожиданиям вследствие нарушения определенных норм и правил, предполагает в качестве главенствующего признака нормативности рассматривать адаптивность;

б) подход, при котором девиация понимается как социальный конструкт, предполагает наличие четко обозначенных негативных критериев (разрешено то, что не запрещено), разработанных доминирующей группой и отражающих структуру и содержание власти;

в) трактовка девиации как ущемления, нарушения прав и свобод других людей (запрещено то, что не разрешено) базируется на представлении об общественной безопасности и социально одобряемых стандартах.

Сложность, однако, заключается в том, что выделенные подходы – лишь теоретические конструкты, которые в реальной жизни на уровне индивидуального и массового сознания переплетаются и смешиваются, формируя весьма противоречивые стереотипы восприятия того или иного явления.

Результаты кроссвременного сравнительного анализа данных исследования «Европейские ценности», проведенного в Беларуси в 1990, 2000 и 2008 гг., характеризуют общественное мнение жителей Беларуси относительно таких аспектов нашей жизни, которые традиционно признавались социальной патологией. Сбор информации проводился методом индивидуального интервью лицом к лицу с респондентом. Объем выборочной совокупности в 1990 г. составил 1015 единиц; в 2000 г. – 1000 единиц; в 2008 г. – 1500 единиц (что обеспечивает допустимый 5 % уровень ошибки при степени уверенности 0,95).

Алкоголизм и наркопотребление. Понимая девиацию как ущемление и нарушение прав и свобод других людей и руководствуясь представлением об угрозе общественной безопасности, алкоголизм и наркомания традиционно выносятся за рамки дозволенного и признаются формами девиантного поведения. Однако понимание девиации как чего-то нетипичного, мешающего адаптации, несколько усложняет ситуацию, размывая представления о дозволенности употребления различных психостимулирующих веществ.

Так, употребление алкоголя в нашей стране имеет тенденцию к увеличению. По данным Министерства здравоохранения Республики Беларусь, объем потребления спиртных напитков в 1995 г. составлял 6,7 литра абсолютного алкоголя на душу населения, в 2005 г. – 9,36, в 2006 г. – 10,6, а в 2007 г. – 11,6 литра с учетом детей, стариков и убежденных трезвенников. При этом по критериям ВОЗ считается, что критическим является показатель потребления более 5 литров алкоголя на душу населения в год.

Процесс алкоголизации населения Беларуси приобретает угрожающие масштабы. С 2004 по 2008 г. число лиц, страдающих хроническим алко-

лизмом и состоящих на диспансерном учете в специализированных организациях системы Министерства здравоохранения Республики Беларусь, возросло со 121 880 до 177 188 человек (из них примерно 15 % – женщины). За 2008 г. заболеваемость алкоголизмом в стране увеличилась еще на 5,1 %⁹.

С диагнозом «наркомания» в 2008 г. в Беларуси на диспансерном учете официально состояло 6907 больных. Еще более 3 тысяч человек состоят на учете как лица, употребляющие наркотические средства эпизодически. Реальное же число алкоголиков, наркозависимых и лиц, страдающих от этих проблем, значительно больше. Ведь рядом с хронически пьющим человеком или наркоманом находятся его родные и близкие (супруги, дети, родители пьющего). Они также живут с данной проблемой и, по мнению специалистов, являются не только жертвами болезни своих близких, но и пассивными алкоголиками/наркоманами или созависимыми. Созависимость характеризуется оправдательной позицией в отношении человека, страдающего зависимостью, и при этом снижением уровня заботы о себе.

С проблемой алкоголизации и наркотизации также связана и криминализация общества. Статистика свидетельствует, что за последние десятилетия проблема криминализации в связи с распространением наркотиков значительно актуализировалась. Если в 1990 г. преступлений, связанных с наркотиками, было зарегистрировано 372, то в 2007 г. – 4459, пик пришелся на 2004 г. – 6047.

С таких позиций вполне логично выглядят результаты исследования «Европейские ценности», которые характеризуют отношение населения Беларуси к людям, страдающим алкоголизмом и наркоманией, как крайне негативное. Причем с течением времени негативизм в восприятии данной группы остается стабильным и широко распространенным: более 80 % респондентов на вопрос: «Кого бы Вы не хотели видеть своими соседями» – называют алкоголиков и наркоманов.

Казалось бы, резко негативное отношение к пьющим людям должно согласовываться с отношением к источнику данной проблемы – к употреблению алкоголя, однако в повседневной практике осознанные намерения людей противоречат их реальному поведению. По результатам международного сравнительного исследования «Образ жизни, условия жизни и здоровье», проведенного в 2001–2003 гг. ($N = 2000$ чел.), 17 % жителей Беларуси употребляют алкоголь 2–3 раза в неделю и чаще, 18 % – примерно раз в неделю, 20 % – раз в месяц, 24 % – раз в 2–3 месяца и реже. Совсем не употребляют алкогольные напитки 21 % взрослого населения нашей страны. Сегодня приходится констатировать, что в массовом сознании и бытовой культуре населения сформирован устойчивый социально-психологический стереотип: потребление алкоголя рассматривается как бытовая социально-культурная норма, традиция или даже обязательный ритуал.

Несколько более категоричное отношение демонстрирует население к наркопотреблению. В исследовании «Европейские ценности» была использована *методика оценки высказываний*: респондентам было предложено высказать свое мнение по поводу того, можно ли оправдать употребление наркотиков (марихуаны, гашиша). Своё отношение нужно было выразить, дав оценку по 10-балльной шкале, где крайние позиции означали, с одной стороны, что это действие никогда нельзя оправдать, а с другой – что это действие всегда можно оправдать.

Полученные данные для удобства восприятия были преобразованы в шкалу с интервалом [-5; +5], где «-5» означает, что это действие никогда нельзя оправдать, а «+5» – что это действие всегда можно оправдать. Ответ «не знаю, затрудняюсь ответить» расценивался как отсутствие четкой позиции, и за него присваивался балл «0». Результат был рассчитан как среднее арифметическое.

Таким образом, знак «-» означает негативное отношение к какому-либо действию или социальному явлению и олицетворяет область запретного, «0» – нейтральное отношение (отсутствие однозначной социальной оценки), а знак «+» – что некоторое действие воспринимается общественным сознанием как имеющее оправдание, т. е. дозволенное при определенных условиях. В результате индекс допустимости употребления наркотиков в 2008 г. несколько снизился (-4,04) по сравнению с 2000 г. (-4,21).

Необходимо отметить, что в общественном сознании населения Беларуси употребление наркотиков расценивается крайне негативно. «Конкурировать» с употреблением наркотиков может разве что угон автомобиля (по данным исследования 2000 г. это преступление вызвало «общественное возмущение» силой в «-3,97» балла, а в 2008 г. «-4,07», став действием, которое практически не имеет шансов быть оправданным общественным мнением населения Беларуси).

Отклонения в сфере сексуального поведения, морали и нравственности. Социальный аспект сексуального поведения связан с тем, что представления о сексуальности и отношение к сексуальному удовольствию затрагивают не только уровень индивидуального сознания, но выходят на уровень ценностно-нормативного регулирования жизни общества. Отношение к отклонениям в этой сфере отражают возможность их участия в регуляции поведения.

Современная система нормативного регулирования сферы сексуального поведения характеризуется тем, что сексуальность освобождается от чувств, институтов и функций¹⁰. Наличие любви или узы брака не воспринимаются как обязательные условия сексуальных контактов, а репродуктивная функция перестала быть доминирующей. Результаты исследования (рис. 1) свидетельствуют о негативном восприятии в общественном сознании таких форм нетрадиционного сексуального поведения, как гомосексуализм (сексуальные отношения, основанные на нарушении полоролевого поведения и идентичности) и проституция (сексуальные отношения, которые носят безличный, отчужденный и возмездный, платный характер).

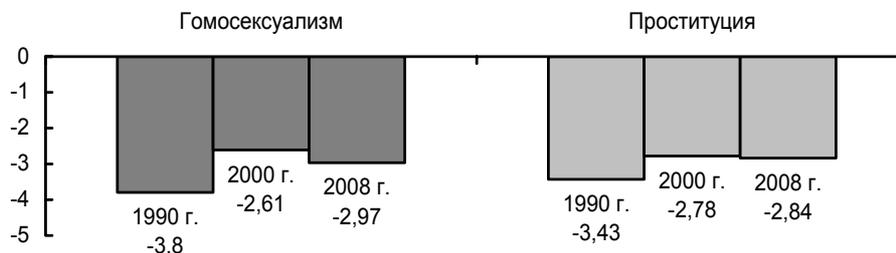

Рис. 1. Индекс допустимости гомосексуализма и проституции, балл.

Безусловно, данные формы сексуального поведения расцениваются как вызов общественной морали. Кроме того, в общественном сознании они связываются с ростом числа заболеваний, передающихся половым путем, и рассматриваются как потенциально опасные.

Во второй половине 1990-х гг. в Беларуси был отмечен подъем заболеваемости венерическими болезнями. С 1997 г. появилась тенденция к ее снижению (например, в 2005 г. уменьшение числа случаев болезней, передающихся половым путем, составило 25 %, в 2006 г. – 14 %). Тем не менее в 2006 г. в Беларуси заболело сифилисом 2635 человек, гонореей – 6082 человека. Среди детей в возрасте до 14 лет зарегистрировано 17 случаев сифилиса, среди подростков 15–17 лет – 84 случая сифилиса, 244 – гонореи, 417 – трихомоноза. При этом эпидемиологи, специалисты ВОЗ прогнозируют в ближайшие годы очередную волну венерических заболеваний.

По данным Республиканского центра гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья, на 1 августа 2009 г. в Беларуси зарегистрировано 10 201 случай ВИЧ-инфекции (показатель на 100 тысяч населения составил 105,5). Только за 7 месяцев 2009 г. выявлено 583 ВИЧ-инфицированных пациента (за аналогичный период 2008 г. – 488).

По кумулятивным данным основной путь передачи инфекции – парентеральный, реализующийся при инъекционном введении наркотических веществ, – 54,4 % (5547 случаев). Однако наблюдается тенденция увеличения количества инфицированных в результате сексуальных контактов (2005 г. – 57,2 %, 2007 г. – 66,8 %, 2008 г. – 75,0 %). За 7 месяцев 2009 г. половым путем инфицировалось 76,1 % (444 случая).

От ВИЧ-инфицированных матерей с 1987 г. по 1 августа 2009 г. родилось 1410 детей, в том числе за 7 месяцев 2009 г. – 118 детей. 148 детям, рожденным от ВИЧ-инфицированных матерей, подтвержден диагноз «ВИЧ-инфекция», из них 8 детей умерли. Всего в Беларуси зарегистрирован 161 случай ВИЧ-инфекции среди детей в возрастной группе от 0 до 14 лет.

По состоянию на 1 августа 2009 г. зарегистрировано 1740 летальных случаев среди ВИЧ-инфицированных (в том числе за 7 месяцев 2009 г. – 208 случаев), 1216 (69,9 %) из числа умерших – наркопотребители¹¹.

Отношение людей к определенным социальным проблемам формируется на двух уровнях когнитивно-поведенческого комплекса: нормативном, когда индивидуальные оценки в значительной мере определяются принятыми в обществе или референтных группах, и индивидуально-установочном, который формируется под влиянием личных интересов и потребностей на основе собственного опыта и может не соответствовать общественно одобряемым представлениям.

В принципе все болезни массовое сознание делит на две категории: те, которые «сваливаются» на человека, являются результатом случайности и не связаны с его образом жизни, и те, появлению которых человек способствует своим поведением. ВИЧ-инфекция относится к «пограничным» болезням, которые, с одной стороны, могут быть результатом стечения обстоятельств, а с другой – следствием определенного образа жизни. Поэтому отношение к этой болезни достаточно противоречиво.

Проведенное исследование позволило, в частности, зафиксировать наличие определенной тенденции к формированию более лояльного отношения со стороны окружающих к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией и к людям, больным СПИДом (табл. 2). Причем эта тенденция зафиксирована как на нормативном, так и на индивидуально-поведенческом уровнях.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Назовите те группы, кого бы Вы не хотели видеть своими соседями?», %

Группы	1990 г.	2000 г.	2008 г.
Гомосексуалисты	81,5	63,3	61,9
Больные СПИДом	74,9	57,5	49,4

Однако, несмотря на потенциальную опасность, связанную с раскрепощением населения в области сексуального поведения, существующие социальные стереотипы привносят специфику в оценку случайных сексуальных связей и супружеских измен. Такие действия, то ли в силу того, что они носят «бескорыстный» характер или вписываются в рамки традиционной сексуальной ориентации, население хотя и оценивает отрицательно, но более терпимо (рис. 2).

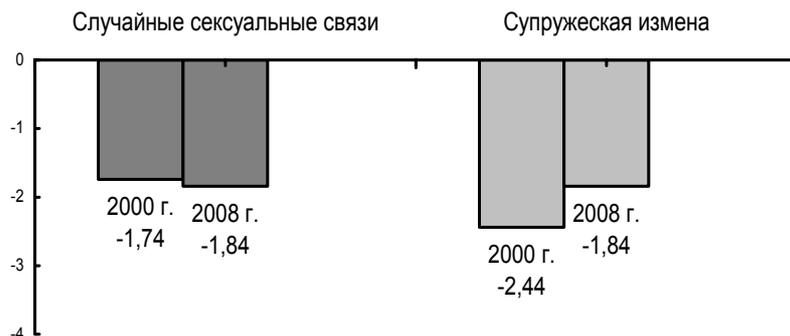

Рис. 2. Индекс допустимости случайных сексуальных связей и супружеских измен, балл.

Данные исследования показывают, что за восемь лет отношение к случайным сексуальным связям хоть и незначительно, но все же стало более нетерпимым, тогда как к супружеской неверности – более лояльным.

На этом фоне вполне понятной выглядит ситуация, характеризующая уровень разводимости жителей Беларуси и отношение общества к разводам.

По данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь, пик разводимости в нашей стране пришелся на 2000 г., когда число разводов составило 43,5 тыс. Минимальное количество разводов зарегистрировано в 2004 г. – 29,1 тыс. С 2004 г. в Беларуси вновь отмечается рост числа разводов. В 2008 г. было расторгнуто 36,7 тыс. браков (рис. 3).

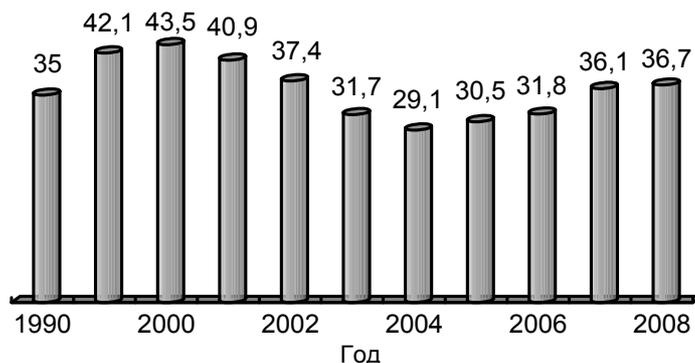

Рис. 3. Число разводов в Республике Беларусь, тыс.

Наибольшее число разводов приходится на семейные пары, прожившие в браке пять – девять лет. Их удельный вес составляет 22,2 % от общего числа разводов. При этом 44 % мужчин и 45 % женщин разводятся в возрасте 25–34 года.

Данные исследования «Европейские ценности» свидетельствуют, что развод для жителей Беларуси перестал быть чем-то запретным или даже осуждаемым (рис. 4).

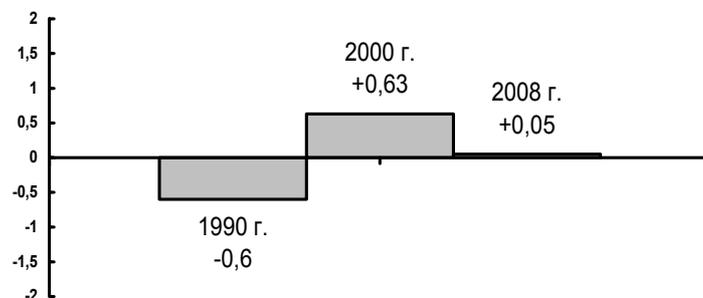

Рис. 4. Индекс допустимости разводов, балл.

Рост числа разводов и лояльное отношение со стороны общества к расторжению брака косвенно свидетельствуют о снижении ценности традиционной семьи и семейно-брачных отношений.

Ценность человеческой жизни. Лишение человека жизни далеко не всегда признается обществом неприемлемым. Как показывают результаты исследования, к таким «санкционированным формам лишения жизни», как смертная казнь, эвтаназия и аборт, а также к самоубийствам наше общество относится неоднозначно.

Право на смерть. Показатели суицидального поведения являются важным индикатором социального благополучия/неблагополучия общества. В Беларуси уровень самоубийств остается стабильно высоким (рис. 5).

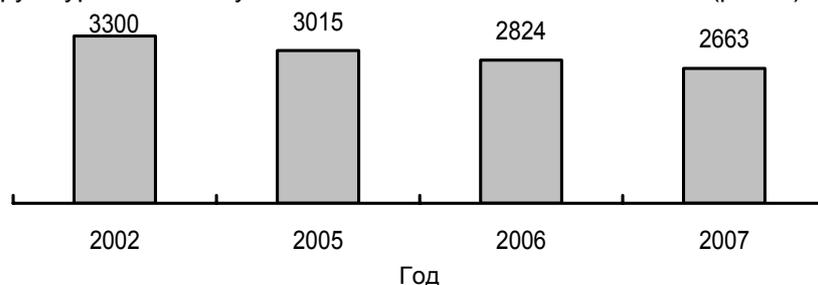

Рис. 5. Число лиц, умерших в результате суицида (в абсолютных цифрах)

За шесть месяцев 2008 г. в Беларуси 1414 человек покончили жизнь самоубийством, что на 50 суицидов больше, чем за аналогичный период 2007 г. По данным ВОЗ, считается, что если число самоубийств превышает 20 человек на 100 тыс. населения, то это уже высокая суицидальная активность, а 30 суицидов на 100 тыс. населения – критический уровень. В нашей стране в 2006 г. этот показатель составил 29 случаев, а в 2007 г. – 27,5 случаев на 100 тыс. населения (рис. 6).

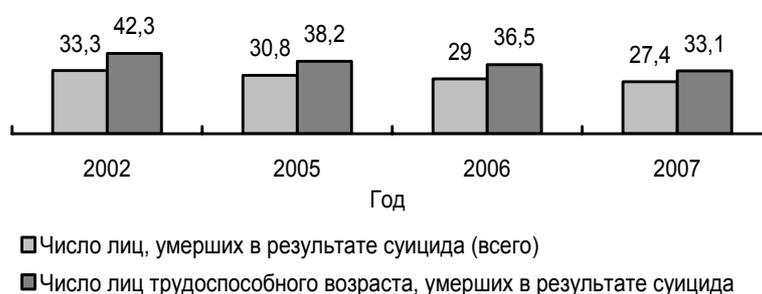

Рис. 6. Число умерших в результате суицида на 100 тыс. человек населения

Тревожным выглядит тот факт, что среди лиц трудоспособного возраста показатель смертности от суицида значительно превышает критический.

Аборты. В Беларуси аборты разрешены законодательством; установлены критерии и сроки прерывания беременности (до 12 недель) по желанию женщины, по медико-социальным (до 22 недель) и медико-генетическим показаниям. Среди наиболее распространенных причин, побуждающих женщину прервать беременность, можно назвать сексуальную безграмотность и возникновение сложной жизненной ситуации (изнасилование, болезнь, смерть мужа или развод, отсутствие социальных условий для воспитания ребенка).

По данным учреждений системы Минздрава, в 2007 г. в Беларуси было сделано 38 784 аборта, для сравнения: в 2006 г. – 58 351. Несмотря на наличие устойчивой тенденции к снижению количества абортов, этот показатель социальной патологии по-прежнему остается высоким. В 2007 г. в Беларуси на каждые 100 родов пришлось чуть более 45 абортов (рис. 7).

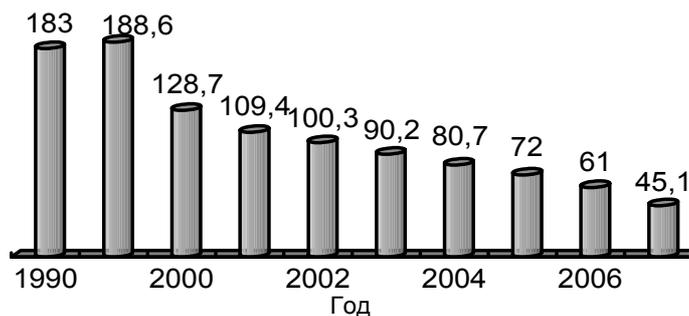

Рис. 7. Число абортaв на 100 родов

Данные исследования показывают, что на когнитивном уровне ценность человеческой жизни в целом возрастает. За двадцать лет (с 1990 г.) общественное мнение жителей Беларуси к абортaм и самоубийствам стало более негативным. Однако отношение к такому явлению, как эвтаназия (удовлетворение просьбы человека, страдающего неизлечимым заболеванием и испытывающего невыносимые страдания, о прекращении его жизни в безболезненной или минимально болезненной форме), в общественном сознании еще не сформировано и граничит с нейтральным (рис. 8).

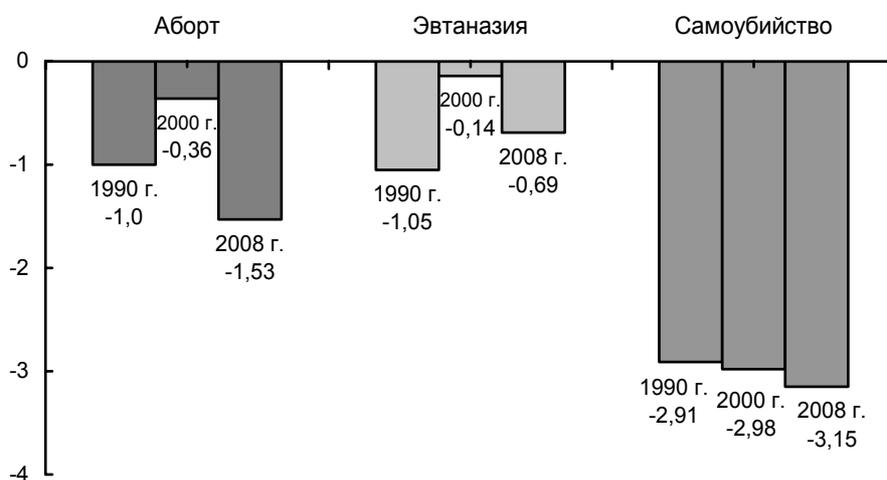

Рис. 8. Индекс допустимости абортa, эвтаназии и самоубийства, балл.

Явления, представляющие угрозу экономической безопасности. Значительный интерес представляют данные исследования, характеризующие отношение населения к девиантным проявлениям в экономической сфере, поскольку именно экономика Беларуси претерпела значительные изменения за прошедшие двадцать лет. Экономические преобразования, представляя собой формирование своеобразной синтетической модели, сочетающей элементы как плановой централизованной, так и конкурентной рыночной экономики, нашли специфическое отражение в сознании населения. Общественному сознанию жителей Беларуси характерно осуждение чрезмерного богатства, высокая ценность социального равенства, справедливости, нередко своеобразно понимаемой как уравнительность распределения благ, а также неразвитость правосознания и недоверие к закону.

Такие особенности вполне могут стать благоприятной почвой для распространения девиантного экономического поведения в случае потери относительной стабильности получения дохода или вознаграждения за труд, воспринимаемого как неадекватное.

В ситуации переживаемого мирового финансового кризиса девиация может возникнуть как результат противоречия между высокой степенью

экспектации наших соотечественников и возможностями, которые сегодня государство может предоставить для реализации этих экспектаций. В современном белорусском обществе вполне вероятно появление относительной депривации, связанной с напряжением между ожидаемым и существующим: наши граждане твердо усвоили, что они имеют право на определенные (пусть и минимальные) условия жизни. При этом сегодняшний день воспринимается с той точки зрения, насколько эти условия жизни будут обеспечены. Существенным в данном случае является восприятие недостатка того, что, как полагают люди, они должны иметь или достичь, независимо от объективной оправданности претензий. Как отмечает российский исследователь В. Проданов, «результатом небольшого спада возможностей определенных социальных групп или большей части общества получить определенные блага после того, как в предыдущем периоде имело место увеличившееся потребление этих же самых благ, что было связано с ожиданием их нарастания в будущем, может стать рост девиаций»¹².

В общественном сознании населения Беларуси преобладает негативное восприятие девиантных форм экономического поведения (табл. 3).

Таблица 3

Показатели «термометра» общественного мнения относительно некоторых аспектов экономического поведения, балл.

Оцениваемые формы поведения	1990 г.	2000 г.	2008 г.
Уклонение от уплаты налогов, если предоставляется такая возможность	-2,35	-1,34	-2,11
Получение государственных пособий, на которые человек не имеет права	-2,99	-2,07	-2,41
Взятки (получение взяток)	-3,82	-2,62	-2,85
Уклонение от оплаты проезда на общественном транспорте	-2,72	-1,04	-1,04
Угон автомобиля для увеселительной прогулки, развлечения	-	-3,97	-4,07

Однако результаты исследования свидетельствуют о том, что общественное мнение становится более лояльным в отношении правонарушений и преступлений, не представляющих непосредственную опасность индивидам, но наносящих прямой урон экономике страны. В то же время оценка действий, направленных против личной собственности, становится более строгой, не предполагающей никаких оправданий.

В реальной жизни нашу практическую деятельность в значительной степени организует не только наша собственная оценка, но и рекомендации нашего социального окружения относительно того, что признавать ценностью. В результате сравнения одного социального явления с другими формируется представление, а затем – формулируется суждение о полезности или опасности того, что оценивается. Таким образом, оценка есть основание выбора, а выбор ведет к действию.

Перед нами сегодня открыто множество вариантов дальнейшего развития. Но какое будущее мы выберем, зависит от той системы ценностей, которую мы принимаем сегодня и транслируем в завтрашний день. Результаты исследования «Европейские ценности» позволяют взглянуть на себя со стороны, а значит, понять, кто мы есть и куда мы движемся.

Представленные данные характеризуют отношение жителей Беларуси к ряду социальных явлений, которые традиционно признавались социальной патологией. Кроссвременное сравнение позволяет зафиксировать некоторые изменения, происходящие в общественном сознании, однако дать оценку этим изменениям и понять, что они означают – рост социальной терпимости или же рост социального безразличия, нам еще предстоит.

¹ Крон М. Происхождение преступности: теории контроля и устрашения // Криминология / Под ред. Дж.Ф. Шели: Пер. с англ. СПб., 2003. С. 443.

² Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 198.

³ Барановский Н.А. Социальные и личностные детерминанты отклоняющегося поведения. Мн., 1993. С. 6.

⁴ Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. С. 24.

⁵ Смелзер Н. Указ. соч. С. 203.

⁶ Фромм Э. Человек для себя / Пер. с англ. Мн., 1992. С. 29–30.

⁷ См.: Беккер Г. Девиантность как следствие «наклеивания ярлыков» // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: Хрестоматия / Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., доп. и перераб. Казань, 2001. С. 145–150.

⁸ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 260.

⁹ См.: См.: Количество реализованной алкогольной продукции [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/economic/2009/03/18/ic_news_113_308138. Дата доступа: 02.04.2009.

¹⁰ См.: Бежен А. Рационализация и демократизация сексуальности // Социология сексуальности: Антология / Под ред. С.И. Голода. СПб., 1997. С.14–19.

¹¹ См.: Эпидситуация по ВИЧ-инфекции на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hiv-aids.by/info>. Дата доступа: 09.08.2009.

¹² Проданов В. Проблема выбора: монистическое, плюралистическое или системное объяснение насилия? // Докл. II Всерос. социол. конгресса «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: в 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 345.

Поступила в редакцию 15.04.09.